

Д.Н. Овсяннико-Куликовский

**История русской
интеллигенции**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.Н. Овсянко-Куликовский**
История русской интеллигенции: Часть 1 / Д.Н. Овсянко-Куликовский – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 393 с.

ISBN 978-5-517-95441-1

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1906 года

ISBN 978-5-517-95441-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

годовъ“, „Тюфякъ“. „Тысяча душъ“ и др.), у Тургенева (въ повѣстяхъ, какъ „Андрей Колосовъ“, „Затишье“, „Два пріятеля“, „Ася“, „Гамлетъ Шигровскаго уѣзда“, „Дневникъ лишняго человѣка“ и т. д.), у Достоевскаго и у Л. Н. Толстого (въ ихъ раннихъ произведеніяхъ). Но это значительно увеличило бы размѣръ изслѣдованія,—и я предпочелъ, ограничиваясь анализомъ типовъ, обставить этотъ анализъ такими комментаріями, которые, какъ мнѣ кажется, отчасти замѣняютъ недостающій фонъ картины.

Само собой разумѣется, задачи и планъ труда исключаютъ разсмотрѣніе лирической поэзіи. Можно было бы, однако, указать на тѣ мотивы ея, въ которыхъ выразилось настроеніе передовыхъ дѣятелей того или другого времени (напр. „гражданскіе“ мотивы у Рылѣева и у Пушкина). Но, мнѣ казалось, это будетъ „балластъ“, такъ какъ настроеніе передовыхъ дѣятелей достаточно выясняется анализомъ типовъ. Единственное изъятіе я допустилъ для поэзіи Некрасова—въ виду ея важности для раскрытія идеологии и даже самой психологіи передовыхъ круговъ общества въ эпоху 50-хъ—60-хъ годовъ.

Д. Овсяннико-Куликовскій.

ГЛАВА I.

„Горе отъ ума“. Чацкій.

1.

Приступая къ нашей задачѣ, мы прежде всего встречаемся въ историческомъ порядкѣ съ однимъ изъ величайшихъ произведеній реального художественнаго творчества,—съ безсмертной комедіею Грибоѣдова.

Нѣкоторое подчиненіе иностраннымъ образцамъ (именно—Мольеру), разъясненное проф. Алексѣемъ Ник. Веселовскимъ ¹⁾, ничуть не помѣшало реализму знаменитой пьесы. Ее можно даже назвать ультра-реальной: такъ тѣсны, такъ неразрывны ея связи съ дѣйствительностью, ограниченной весьма узкими предѣлами мѣста и времени. Однако, это не помѣшало ей получить огромное значеніе, далеко выходящее за эти предѣлы. Въ ней воспроизведено московское общество въ періодъ отъ 1812 до половины двадцатыхъ годовъ, но она сразу приобрѣла всероссійское значеніе, сохранявшееся за нею въ теченіе всего XIX-го вѣка и не увядшее до сихъ поръ.

Типы Грибоѣдова, непосредственно взятые изъ дѣйствительности, списанные съ природы, оказались бессмертными.

---

¹⁾ „Этюды и характеристики“ (М. 1894), статья „Альцестъ и Чацкій“, и въ особенности стр. 156—157, 161, 162—163.

Достаточно извѣстно, что и Фамусовъ, и Скалозубъ, и Загорѣдкій, и Репетилловъ, и нѣкоторые второстепенныя лица были „портреты“. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Грибоѣдовъ въ извѣстномъ письмѣ къ Катенину (январь 1825 г.), гдѣ, возражая на упрекъ послѣдняго („характеры портретны“), онъ говоритъ: „Да! и я коли не имѣю таланта Мольера, то по крайней мѣрѣ чистосердечнѣе его; портреты и только портреты входятъ въ составъ комедии и трагедии, въ нихъ однако есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иныя всему роду человѣческому на столько, на сколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій“. („Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова“ (1889), подъ редакцію И. А. Шляпкина, т. I, стр. 197) ¹⁾.—Въ средѣ, къ которой принадлежали „оригиналы“, это произвело впечатлѣніе „скандала“, „пасквиля“. Но въ какіе-нибудь 2—3 года пьеса распространилась по всей Россіи въ тысячахъ списковъ, — и для многочисленныхъ читателей, не принадлежавшихъ къ данной московской средѣ, она была не пасквидемъ, а художественною сатирою, которая сразу же обнаружила свое тѣсное сродство съ обыденнымъ художественнымъ мышленіемъ довольно широкихъ круговъ читающей публики. Именно всѣ отрицательныя типы, всѣ эти Фамусовы, Молчалины, Скалозубы, Загорѣдкіе, — въ своей основѣ — оказались такими, какими уже давно рисовались они въ мысли всѣхъ тѣхъ, кто, обладая извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ, проявлялъ болѣе или менѣе сознательное отношеніе къ дѣйствительности. Образованное общество давно знало, напр., Фамусовыхъ съ ихъ покладистостью, ихъ умственной темнотой, ихъ нравственной слѣпотой, ихъ пошлостью и всегдашней

¹⁾ О лицахъ, послужившихъ (достоверно или предположительно) Грибоѣдову „оригиналами“, см. въ „Полн. собр. соч. А. С. Грибоѣдова“, подъ ред. И. А. Шляпкина, т. II, стр. 523—526.

готовностью, при всемъ ихъ московскомъ или вообще русскомъ благодушіи, впадать въ свирѣное мракобѣсіе.—Достаточно хорошо извѣстны были въ разныхъ кругахъ и карьеристы Молчалины, и проходимцы Загорѣцкіе и т. д. Можно положительно утверждать, что въ этомъ смыслѣ Грибоѣдовъ не сказалъ обществу ничего совсѣмъ новаго. И тѣмъ не менѣе пьеса была принята какъ нѣчто небывалое, какъ рѣдкостная новинка, не имѣвшая прецедентовъ. Такою, безъ всякаго сомнѣнія, и была она.—Это кажущееся противорѣчіе въ высокой степени характерно для произведеній реального искусства. Взятая изъ живой дѣйствительности, они говорятъ о томъ, что всѣ знаютъ; они являются только дальнѣйшимъ развитіемъ художественныхъ образовъ и художественно-моральныхъ сужденій, принадлежащихъ обществу или, по крайней мѣрѣ, его мыслящей части. Оттуда то интимное пониманіе со стороны публики, которое—въ большинствѣ случаевъ—такъ легко достается на долю этого рода произведеній, если не всегда—въ ихъ цѣломъ и въ ихъ идеѣ, то, по крайней мѣрѣ,—типамъ, въ нихъ выведеннымъ. Пусть замыселъ Грибоѣдова и въ частности фигура (скажемъ лучше—идея) Чацкаго не были тогда (да и долго потомъ) поняты и оцѣнены по достоинству, но типы Фамусова, Молчалина, Скалозуба и т. д. были, безъ всякаго сомнѣнія, отлично поняты и вполне правильно оцѣнены, потому что обобщенные въ нихъ натуры и характеры были достаточно извѣстны, и критическое отношеніе къ нимъ было въ образованномъ обществѣ явленіемъ обычнымъ. Здѣсь мы ясно видимъ ту связь высшаго художественнаго мышленія съ (обыденнымъ), которая образуетъ психологическую основу реального искусства. Благодаря этой связи, обыватель получаетъ возможность интимно понять созданіе художника,—по крайней мѣрѣ,—тѣ образы, которые въ обыденномъ мышленіи уже получили нѣкоторую „разработку“

и стали „ходячими типами“. И вот когда обыватель, встрѣчая ихъ въ произведеніи художника, легко узнаетъ въ нихъ, такъ сказать, свое собственное добро, тогда и происходитъ въ его сознаниі тотъ любопытный и важный процессъ обобщенной апперцепціи, въ силу котораго въ одно и то же время „собственное достояніе“ читателя уясняется ему образами, созданными художникомъ, и эти образы постигаются сплю „собственнаго достоянія“. И тогда то, что было смутно, неопредѣленно, неярко, становится яснымъ опредѣленнымъ, яркимъ. „Собственное достояніе“ получаетъ характеръ вопроса, на который далъ отвѣтъ художникъ. Пусть въ созданіи послѣдняго не будетъ ничего „совсѣмъ новаго“, но оно воспринимается какъ новое, потому что отвѣтило на вопросъ, пролило яркій свѣтъ на знакомыя явленія, затронуло нравственное чувство читателя, заставило его задуматься надъ тѣмъ, что онъ хорошо зналъ—да не задумывался. Такъ, напр., читатели отлично знали Фамусовыхъ и Молчалиныхъ, но Грибоѣдовъ пролилъ неожиданный свѣтъ на эти фигуры и заставлялъ читателей знать ихъ по новому,—смотреть на нихъ и судить о нихъ не пообывательски, а съ точки зрѣнія той высшей человѣческой морали, которая присуща искусству. Не всѣ читатели одинаково были способны возвыситься до этой высшей морали, и—какъ это всегда бываетъ—комедія Грибоѣдова въ разныхъ умахъ и натурахъ отражалась различно, возгораясь всѣмъ своимъ свѣтомъ въ однихъ, тускнѣя въ другихъ, опошляваясь въ третьихъ. Этотъ обычный процессъ взаимодѣйствія между высшими продуктами творчества поэтовъ и обыденно-художественнымъ мышленіемъ публики улавливается и продѣлывается на судьбахъ комедіи Грибоѣдова съ особенной наглядностью.

Въ своей замѣчательной статьѣ о „Горѣ отъ ума“ („Милльонъ терзаній“) Гончаровъ говоритъ: „Изустная оцѣнка опередила печатную, какъ сама пьеса задолго опередила

печать. Но громадная масса ощутила ее фактически... Она разнесла рукопись на ключья, на стихи, полустихья, развела всю соль и мудрость пьесы въ разговорной рѣчи, точно обратила миллионъ въ гривенники, и до того испестрила грибоѣдовскими поговорками разговоръ, что буквально истаскала комедию до пресыщенія".—Случилось то, что предсказалъ Пушкинъ, говоря о языкѣ и стихѣ Грибоѣдова, когда впервые познакомился съ пьесой по рукописи: „О стихахъ я не говорю, — половина должна войти въ посьловицу“. (Письмо къ Бестужеву, 1825 г.).—Этотъ отзывъ Пушкина, какъ и приведенныя слова Гончарова, живо изображаютъ намъ тотъ процессъ взаимодействія высшего художественнаго мышленія съ обыденнымъ, о которомъ мы ведемъ рѣчь. Прежде всего въ самомъ языкѣ Грибоѣдова общество нашло свое собственное достоянiе: всѣ эти мѣткія словечки, поговорки, обороты уже давно существовали въ рѣчи и были ходячей монетою языка. Теперь, использованные поэтомъ для обрисовки типовъ, они возвращались обратно въ обыденную рѣчь, въ стихію языка, еще болѣе отчеканенные, приуроченные къ опредѣленнымъ художественнымъ образамъ, впитавъ въ себя изъ этихъ образовъ новое содержаніе или новые отгѣнки значенія. Старое стало новымъ, обычное, ходячее и при томъ нерѣдко нечуждое въ некоторой, свойственной всему ходячему, пошловатости являлось необычнымъ, значительнымъ, своеобразнымъ. Подержанному, притупившемуся оружію быть данъ новый закалъ, — и теперь его удары были необычайно мѣткіи и сильны. Волей-неволей читатели, даже наиболѣе благодушные, становились, „разнося рукопись на ключья, на стихи и полустихья“ (какъ говорить Гончаровъ), единомышленниками и соратниками желчнаго сатирика. Обыденное художественное мышленіе читателей, благодаря Грибоѣдову, принимало характеръ своеобразнаго протеста и явно-критическаго отношенія къ дѣйствительности.

Прежде всего намъ необходимо уяснить себѣ съ возможною отчетливостью характеръ этого протеста, этого критическаго отношенія къ дѣйствительности. Не будемъ смущаться тѣмъ, что тутъ (по выраженію Гончарова) „милльонъ размѣнялся на гривенники“,—и посмотримъ, на что собственно были направлены сатирическія стрѣлы Грибоѣдова.

Онѣ были направлены на наше самое больное мѣсто: на тѣхъ, которые являлись—и тогда, и потомъ—основою самой гибельной изъ всѣхъ реакцій—реакціи общественной. Для общественнаго блага и прогресса нѣтъ ничего пагубнѣе той умственной тьмы и свѣтобоязни, той нравственной слѣпоты и того душевнаго уродства, которыя воплощены въ образахъ Фамусова, Молчалина, Скалозуба и всѣхъ этихъ

Старухъ зловѣщихъ, стариковъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ...

Эти образы вышли столь выразительными, а филиппики Чацкаго были такъ мѣткіи и страстны, что пьеса получила огромное общественное значеніе. И это была не просто художественная сатира. Это былъ также политическій памфлетъ, котораго дѣйствіе на умы въ первой половинѣ 20-хъ годовъ должно было быть особливо значительнымъ. То была эпоха, когда въ общественной атмосферѣ вѣяло весной, несмотря на затянувшуюся общую реакцію во внутренней политикѣ. Людей просвѣщенныхъ, жаждавшихъ, по выраженію Чацкаго, „свободной жизни“, было тогда не мало, и уже слагался типъ передоваго дѣятеля, представителя новыхъ идей. Онъ и былъ воплощенъ Грибоѣдовымъ въ

фигуръ Чацкаго. Черты этого типа мы найдемъ и у самого Грибоѣдова, и у Пушкина, и у Чаадаева, и у Николая Тургенева и т. д.—Широкое обобщающее значеніе этого образа, въ свое время недостаточно оцѣненное (напр., Пушкинымъ и потомъ Бѣлинскимъ), впервые было раскрыто Гончаровымъ въ выше упомянутой статьѣ „Милльонъ терзаній“.

Но прежде чѣмъ говорить о Чацкомъ, въ рѣчахъ котораго протестъ и критическое отношеніе къ дѣйствительности выразились такъ ярко, намъ нужно уяснить себѣ значеніе отрицательныхъ типовъ, выведенныхъ въ комедіи Грибоѣдова.

Несмотря на строгое приуроченіе ихъ къ мѣсту и времени, они (по крайней мѣрѣ, важнѣйшіе изъ нихъ) продолжаютъ сохранять доселѣ свое живое значеніе. Пьеса до сихъ поръ остается яркою сатирою и злымъ памфлетомъ. Вся разница (сравнительно съ ея прошлымъ, съ тѣмъ, чѣмъ была она въ 20-хъ гг.) въ томъ, что теперь она стала произведеніемъ историческимъ, т.-е. такимъ, которое воспроизводитъ эпоху, уже отошедшую въ историческое прошлое. Мы называемъ ее комедію историческою въ томъ смыслѣ, какъ называемъ, напр., „Войну и Миръ“ историческимъ романомъ.—При столь извѣстной измѣняемости нашихъ общественныхъ типовъ, при той быстротѣ (почти по десятилѣтіямъ), съ которою они видоизмѣнялись вмѣстѣ со смѣною общественныхъ настроеній, умственныхъ интересовъ, литературныхъ и иныхъ вліяній, комедія Грибоѣдова становилась историческою (въ указанномъ смыслѣ) уже въ 40-хъ и даже въ 30-хъ годахъ, когда Фамусовы, Молчалины и другіе явились въ иномъ обличьѣ, а Чацкіе стали говорить иначе—не по-грибоѣдовски и больше шопотомъ да при закрытыхъ дверяхъ. Театральная публика 40-хъ годовъ уже воспринимала пьесу, какъ картину прошлаго, хотя и недавняго.—Вообще, въ

нашемъ умственомъ и общественномъ развитіи нѣтъ послѣдовательной преемственности идей, настроеній, стремленій, идеаловъ. Извѣстныя теченія вдругъ останавливаются или изсякаютъ, чтобы уступить мѣсто другимъ; послѣдующее иногда упорно отказывается признать свое духовное родство съ прежнимъ, пресѣченнымъ или изсякшимъ... А Фамусовы и Молчалины, обладая удивительною приспособляемостью и живучестью, переряжаются въ другіе костюмы и часто не сразу узнаются въ новомъ нарядѣ. Но традиція основныхъ чертъ этихъ отрицательныхъ типовъ сохраняется при всѣхъ возможныхъ перемѣнахъ условій жизни. Мы знаемъ Фамусовыхъ, Молчалиныхъ, Скалозубовъ, Загорѣцкихъ дореформенныхъ и пореформенныхъ, и посейчасъ они существуютъ,—и попрежнему—

„Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима!“

Эту живучесть отрицательныхъ типовъ Грибоѣдова отмѣтилъ въ началѣ 70-хъ годовъ авторъ статьи „Милльонъ терзавій“. Онъ говоритъ: „Колоритъ не сгладился совсѣмъ; вѣкъ не отдѣлился отъ нашего какъ отрѣзанный ломоть; мы кое-что оттуда унаслѣдовали, хотя Фамусовы, Молчалины, Загорѣцкіе и проч. и видоизмѣнились такъ, что не влѣзутъ уже въ кожу грибоѣдовскихъ типовъ“...

Вотъ именно въ силу такой живучести темныхъ силъ, образующихъ оплотъ общественной реакціи, комедія Грибоѣдова, хотя и стала историческою, продолжаетъ сохранять живое значеніе,—какъ разъ такъ, какъ сохраняетъ его и долго еще будетъ сохранять сатира Салтыкова.

Въ нашей художественной литературѣ настоящимъ преемникомъ Грибоѣдова, достойнымъ продолжателемъ его дѣла былъ только Салтыковъ. Это дѣло—борьба, средствами искусства, съ темными силами, съ общественно-реакционными элементами. Специфическій характеръ и отличительные признаки художественныхъ произведедій, являющихся